

Мец Ф.И.
(г.Томск)

НОВАЯ НАХОДКА КУЛАЙСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ ИЗ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ

Одним из наиболее ярких проявлений духовной культуры населения эпохи раннего железа таежной зоны Западной Сибири является кулайское бронзовое культовое литье. Предметы кулайской металлопластики представлены достаточно большим, насчитывающим уже не одну сотню, количеством экземпляров. Разбросанные на огромных просторах лесной и лесостепной зоны Западной Сибири и существовавшие в широких хронологических рамках (V в. до н.э. – IV в. н.э.), они, тем не менее, сохранили определенный набор сюжетов, а так же иконографических, стилистических и технологических признаков, позволяющих говорить о них, как о своеобразном культурном феномене. Однако в этой массе изделий, несущих на себе печать несомненной принадлежности к кругу кулайских древностей, иногда встречаются экземпляры, выбивающиеся из общей массы по тому или иному показателю.

К числу последних относится и публикуемая находка. Весной 2000 г. в селе Оськино Шегарского района Томской области на территории усадьбы Х.Б.Аблаева, расположенной примерно в одном километре к югу от Коммунального моста через реку Обь и примерно в 0,3 километра от берега обской протоки, во время земляных работ на глубине одного штыка было обнаружено оригинальной формы бронзовое изделие. Оно представляет из себя уплощенно-объемное изображение антропоморфной личины, отлитое в двусторонней форме (рис.1)*. Максимальные размеры изделия: высота – 8,2 см, ширина – 4,9 см, толщина – 2,0 см. Личина уплощенная, имеет усеченно-овальную форму. Дугообразные брови и прямой (в виде отрезка) нос переданы союзными рельефными линиями. Глаза трактованы в виде овальных углублений, внутри которых углубленным же штрихом выделен зрачок. Аналогично глазам трактован рот, уголки которого снабжены своеобразными «усиками». В целом, лицо передано двумя слегка вогнутыми плоскостями, расходящимися от линии носа и бровей.

Личину венчает сложный головной убор. Он состоит из венца, диадемы или повязки, переданной тремя слабо выпуклыми параллельными горизонтальными линиями; поверх этого убора, по краям личины, зеркально друг относительно друга изображены две зооморфные головы. Они округлой формы, с круглым глазом в центре. Длинная морда с открытым ртом показана двумя прямыми отрезками, при этом нижняя челюсть чуть длиннее верхней. Правое (относительно зрителя) зооморфное изображение сохранилось полностью, у левого – обломан кончик морды.

«Затылочная» часть изделия представляет из себя массивную перемычку задней стенки, которая имеет наименьшую ширину около 1 см. в центральной части и значительно расширяется к краям, переходя вверху в зооморфные изображения. Литейный шов хорошо заметен по всему периметру изделия, в том числе и на головном уборе. Поверхность отливки не полирована, имеет шероховатую структуру, свидетельствующую о том, что она была изготовлена в форме, сделанной из материала с содержанием песка. Кое-где поверхность имеет мелкокоряковистую структуру. После удаления литника, располагавшегося на месте шеи, изделие не подвергалось вторичной обработке.

Художественно-стилевые особенности описанного артефакта не позволяют сомневаться в его принадлежности к кулайским бронзам. Однако отдельные черты делают это изделие не только чрезвычайно интересным, но и в высшей степени оригинальным.

Прежде всего привлекает внимание необычная для антропоморфной кулайской металлопластики объемность изображения. Производство объемных изделий для кулайских литейщиков не составляло особого труда. Об этом красноречиво свидетельствуют серии литейных форм и самих предметов, в число которых входит предметы вооружения (наконечники стрел и копий, чеканы), украшения (бляхи, пронизки) и, особенно, кельты (Троицкая Т.Н., 1979; Чиндина Л.А., 1984; Терехин С.А., 1997). Именно технология производства последних, по всей видимости, и была использована при отливке находки из Оськино (Дураков И.А., 1995). Однако при изготовлении культовых изделий объемное литье применялось достаточно редко. В основном оно представлено полыми конусовидными зоо-, ихтио- или орнитоморфными навершиями. Известно их более десятка штук. Они распространены по всей кулайской ойкумене и бытовали как на васюганском, так и на саровском этапе культуры (Яковлев Я.А., 1991, с.125-126). Объемными, в определенной степени, можно считать и часть орнитоморфных фигурок, где плоскостное изображение летящей птицы венчает ее горельефная или скульптурная голова (Яковлев Я.А., 1996, с.180-181, рис.2-3). В эту же категорию входит и уникальный чашевидный предмет с антропоморфной личиной на дне – случайная находка из среднего течения реки Кети (Яковлев Я.А., 1993). Находка из Оськино, вероятно, второй известный случай, когда антропоморфное изображение присутствует на объемном литом кулайском изделии*, и первый, когда антропоморфный

* Осенью 2000 г. Х.Б.Аблаев передал находку в фонды МАЭС ТГУ (колл. №7837).

* Имеются в виду именно культовые изделия, т.к. изображение личины известно на трехгранном наконечнике

персонаж как бы определяет сам характер этого изделия. В известной мере этим обусловлены трудности в его типологической характеристике. Определению находки из Оськино в качестве «личины» мешает тот факт, что все известные на сегодняшний день кулайские изображения антропоморфного лица или головы имеют плоскостной характер. Способ моделировки этого изделия если не предполагает, то, во всяком случае, совсем не исключает возможность его крепления на каком либо вертикальном основании в качестве своеобразного навершия. Однако от собственно наверший кулайской культуры его отличает наличие сквозного вертикального канала, в то время как все эти кулайские навершия представляют из себя, по существу, зооморфно оформленную бронзовую втулку. Оськинская же находка, в принципе, могла использоваться не только как навершие, но и как подвеска или пронизка. Тем не менее, мы считаем возможным предварительно считать ее «личинной-навершием», полностью отдавая себе отчет в условности такого определения.

Достаточно показателен и район находки – Нижнее Притомье. Хотя основная масса предметов кулайского литья связана с районами Нарымского Приобья, где они обнаружены в основном в составе так называемых «кладов» (см.: Чиндина Л.А., 1984, с.72; Яковлев Я.А., 1998а), но и из районов Верхнего Приобья происходит достаточно представительная его коллекция (Старцева Л.М., 1966; Плетнева Л.М., 1977; Троицкая Т.Н., 1979; Бородаев В.Б., 1987; Чиндина Л.А., Терехин С.А., 1992). Среди кулайских бронз Верхнего Приобья есть и немало антропоморфных изображений (Плетнева Л.М., 1977, с.83-84, рис.31; Троицкая Т.Н., 1979, с.14, табл.ХIII, 1; Бородаев В.Б., 1987, с.98-101, рис.2, 1). Однако почти все они – ростовые. Исключение составляет лишь бронзовая личина из состава Степановских находок (Плетнева Л.М., 1977, с.84, рис.31, 24) и, возможно, находка с Басандайского городища (Трухин Г.В., 1948, с.58, табл.Х, 5). Последняя, правда, представлена обломком, который также мог принадлежать ростовому изображению. Сам по себе этот факт выглядит достаточно необычно, поскольку кулайская изобразительная традиция памятников Верхнего Приобья знает немало изображений личин на керамических сосудах (Плетнева Л.М., 1977, с.15, рис.3, 1-3; 4, 2; Мец Ф.И., 1990; Яковлев Я.А., Терехин С.А., 1993; Мец Ф.И., Плетнева Л.М., Рудковский И.В., 2001). Причина этого может иметь хронологический характер, может лежать в области идеологии, а, возможно, просто связана со слабой археологической изученностью этой территории. Так или иначе, но на сегодняшний день изображение антропоморфной личины в кулайской металлопластике Верхнего Приобья выглядит явлением нехарактерным.

Вызывает интерес и иконография оськинской находки. Являясь несомненно кулайской, она имеет и определенную специфику. Ближайшей аналогией ей в манере передачи лица, следует, видимо, считать личину, найденную в Нарымском Приобье, близ Колуяновых юрт. Сходство здесь прослеживается прежде всего, в общем абрисе лица, в манере передачи бровей и носа соединенными дугообразными линиями от которых отходит вниз прямой отрезок и, что очень важно, в манере изображения рта, от которого отходят «усики». На колуяновской личине, кроме того, аналогично переданы и глаза. Н.В.Полосьмак и Е.В.Шумакова видят в них изображения хищников с разинутыми пастьями, в которых торчат острые клыки, и считают их «глазастыми и рогастыми зверями» – помощниками колдуна и персонажами угорского фольклора (Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991, рис.11, с.23). «Усики» у рта оськинской личины не имеют выделенных клыков, но символика у них, очевидно, аналогична колуяновским. Любопытно, что подобная трактовка бровей и носа не характерна для кулайского литья. Параллели ей есть в материалах Восточной Сибири, например, бронзовое изображение из окрестностей города Илимска (Окладников А.П., 1948, с.204, рис.2) и роговая скульптурка из погребения №6 могильника Отика в Приангарье (Привалихин В.И., 1989, с.196, табл.2, 5). Близость манеры изображения восточносибирских бронзовых отливок и колуяновской личины была отмечена А.П.Окладниковым (1948, с.210).

Головной убор находки из Оськино в целом вписывается в круг уже известных. Классификация головных уборов по визуальному признаку в художественном металле кулайской культуры была предложена Л.А.Чиндиной (1999). Если следовать последней, то головной убор оськинской находки, вероятно, может быть отнесен к варианту 3 группы 1 (с горизонтально-усеченной формой верхней части головы) – цилиндрические трапециевидные уборы с высокой и средней налобной частью, с гладкой или зубчатой верхней кромкой, напоминающие тиару (кивер, митру); налобная часть изображения дополнена по кромке изображениями животных, птиц, деревьев (Чиндина Л.А., 1999, с.190, рис.1, 16-19). При этом оськинская личина по расположению зооморфных голов по краям убора близка также Рыбинской находке, а по передаче налобья горизонтальными прямыми линиями – изображению из Кривошеинского клада. Оба последних включены в группу 2.1 шлемообразных уборов (Чиндина Л.А., 1999, с.190).

Датировка кулайского литья всегда была сопряжена с большими трудностями, вызванными прежде всего тем, что очень редко находки литья сопровождалась какими-либо датирующими вещами. В особенности это касается случайных единичных находок. Поэтому попытка хронологической привязки находки из Оськино основывается прежде всего на привлечении аналогий отдельным ее элементам.

копья – случайной находке из Нарымского Приобья (Чернецов В.Н., 1953, с.231, рис.1).

Как уже было отмечено, ближайшей иконографической аналогией рассматриваемого изделия является колуяновская личина. Л.А.Чиндина отнесла последнюю к саровскому этапу кулайской культуры, который датируется ею в пределах I в. до н.э. – IV в. н.э. (1984, с.74-75, 106). Эта дата, особенно учитывая время появления кулайцев в Верхнем Приобье, традиционно относимое к концу III в. до н.э. (Троицкая Т.Н., 2000), не исключена и для оськинского изображения. Однако некоторые детали последнего могут свидетельствовать и о более ранней его датировке. Выше уже говорилось, что манера изображения лица колуяновской (соответственно и оськинской) личины имеет параллели в восточносибирской пластике цепаньской культуры V-III вв. до н.э. (Привалихин В.И., 1989). Это говорит о зарождении такой иконографической манеры в достаточно раннее время, а наличие культурных связей между Западной и Восточной Сибирью в эпоху раннего железа подтверждается проникновением кулайских вещей на территорию Приенисейского края (Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н., 1980, с.84-94; Николаев Р.В., 1980; Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., 1996). Головной убор оськинской личины также находит наиболее близкие параллели в материалах васюганского времени. В этом уборе привлекает внимание иконография зооморфных голов. Такого рода зооморфные головы были распространены в кулайском литье довольно широко: они представлены на так называемых древовидных изображениях (Косарев М.Ф., 1984, рис.28), на «решетках» (Ермолаев А., 1914, табл.VII, 7), которые служили диадемами. В тождественной манере трактована и голова зооморфной фигурки, обнаруженной при раскопках Киндинского II городища. Последнее находится сравнительно недалеко от Оськино (Кожевниковский район Томской области) и датируется на основании керамических комплексов в пределах III-I вв. до н.э. (Березовская Н.В., 1994, рис.4, 1, с.26). О возможной дате оськинской находки в рамках васюганского этапа может говорить также следующее. Судя по всему, объемное культовое литье было не менее, если не более характерно для васюганского, чем для саровского этапа кулайской культуры. Так, к васюганскому этапу относится большая часть известных на сегодняшний день наивысший (Яковлев Я.А., 1991, с.125-126). Васюганским же этапом, по-видимому, датируется и чашевидный предмет с реки Кети – здесь важны не только аналогии в передаче деталей лица с Рыбинскими находками, но и сам район его обнаружения. В начале второй половины I тыс. до н.э. на территории Прикетья фиксируется скифоидный импульс, выразившийся в появлении здесь керамики и бронз южно-сибирского типа (Яковлев Я.А., 1991; 1998). Очевидно в это время сюда и проникли вероятные прообразы этой чаши – скифские зеркала с бортиком или сарматские блюда – алтарики (Яковлев Я.А., 1993). А то, что переосмысление «южных» идей и образов происходило буквально «с колес», доказывают материалы Карбинского I городища (см.: Яковлев Я.А., 1998).

Сложение канона орнитоморфных изображений, отмечающегося фасовым положением горельефной головки, рельефным выражением вытянутого вниз плоского туловища, хищным видом птицы, Я.А.Яковлев относит к позднекулайскому времени (1996, с.180). Однако, учитывая восприимчивость кулайцев к «южным» веяниям, можно предположить и более раннюю дату появления именно такого типа изображений, и исходные его прообразы. Вероятно, одним из наиболее ранних изделий такого типа в кулайском литье следует считать выполненный в ажурной технике экземпляр, обнаруженный на реке Бакчар (Косарев М.Ф., 1974, рис.5, 47). Скульптурная голова хищной птицы, акцентированные лапы, хвост, раскрытые крылья – все это живо напоминает престижные изделия южных скифоидных культур типа золотого эгрета из Сибирской коллекции Петра Первого (Артамонов М.Н., 1973, с.189, илл.241) или деревянного украшения конской сбруи из кургана Кутургунтас (Полосьмак Н.В., 1994, с.75, рис.111). Оба они датируются в пределах IV в. до н.э. Изложенные соображения позволяют предварительно отнести находку из Оськино к изделиям васюганского этапа кулайской культуры. Однако, учитывая время появления кулайцев в Томском Приобье (конец III в. до н.э.), а также распространенное мнение о том, что культовые отливки кулайцев находились в ритуальном обиходе сравнительно недолгое время, наиболее вероятной датой этого изделия можно считать, по-видимому, IV или даже III-II вв. до н.э.

Принято считать, что металлопластика эпохи раннего железа носила прежде всего культовый характер в том или ином его проявлении. Что касается антропоморфных изображений (прежде всего личин) таежной зоны Сибири, то они могли быть либо шаманскими изображениями (Окладников А.П., 1948; Привалихин В.И., 1992), либо изображениями родового предка (духа) (Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991, с.7-9). При этом личины могли быть составными частями более сложных изображений типа деревянных идолов или кукол. Такие куклы, изготовленные из деревянных прутьев, обшитых кожей и набитых травой, одетые в меховые одежды, известны в материалах Сургутского Приобья конца I тыс. н.э. К голове этих кукол крепилась деревянная личина, и изображали они тонгхов – предков-воинов (Черкасова Н., 1987; Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994, кат. 67-69). Конструкция находки из Оськино вполне допускала использование ее в качестве составной части какого-либо деревянного идола, и подобная функция этого изделия вполне допустима. Вместе с тем, учитывая конструктивные особенности, а также место находки и возможную хронологию, можно допустить и иные варианты ее предназначения.

Материалы по кулайской культуре, накопленные к настоящему времени, предполагают достаточно раннее формирование у ее носителей воинской идеологии (См.: Чиндина Л.А., 1996).

Экспансия кулайцев в Верхнее Приобье сопровождалась появлением здесь большого числа городищ (Росляков С.Г., 1995) – фактор, свидетельствующий о реальности военной угрозы. Развитие воинской идеологии всегда сопровождалось усилением роли ее внешней атрибутики. Особенность конструкции оськинского изображения вполне допускает использование его в качестве подвески. Отметим в связи с этим, что роговая скульптурка (по существу – личина) из могильника Отика, которую В.И.Привалихин трактует как изображение женщины-шаманки, была обнаружена в мужском захоронении с богатым набором предметов вооружения и находилась она в области пояса (Привалихин В.И., 1989, табл.1). Будучи одним из важнейших элементов костюма, пояс зачастую содержал набор семантически и социально значимых подвесок и атрибутов (Боброва А.И., Яковлев Я.А., 1994). Не исключено, что такими подвесками могли быть и антропоморфные изображения.

Если допустить использование оськинской находки в качестве подвески, то можно предположить и иное ее семантическое содержание.

Для эпохи ранних кочевников с ее развитой воинской идеологией и преимущественно военным бытом зафиксирован обычай сохранения головы или скальпа убитого врага. Применительно к скифам этот обычай ярко описан Геродотом (IV) и, кроме того, иллюстрируется целой серией произведений торевтики, где фигурируют либо отрубленные головы, либо обезглавленные трупы. Показательно, что на золотых бляшках из Куль-Обы человеческие головы представлены как подвески в руках змееной богини (см.: Ильинская В.А., 1978). Были распространены подвески в виде человеческих голов и у пазырыкских племен. Они обнаружены в Первом Пазырыкском кургане (Артамонов М.И., 1973, илл.82, 83, с.67), в кургане Кутургунтас (Полосьмак Н.В., 1994, с.80-87, рис.114). Эти подвески были изготовлены из дерева или кожи, имели достаточно реалистический вид или снабжались рогами и служили украшением уздечных наборов. Фрагменты близкого антропоморфного изображения и детали украшения конской упряжи известны и в могильнике Ташанта I (Кубарев В.Д., 1987, с.38). Н.В.Полосьмак допускает возможность трактовать эти подвески как образ поверженного врага (1994, с.86). Обычай подвешивать голову убитого врага к уздечке был распространен в древности на значительной территории. Имеется достаточно широкий круг памятников, на которых проставлены сцены сражения с участием всадников, к уздечкам коней которых подвешены такие головы (Техов Б.В., 1963, с.172-174, рис.9; Античная скульптура, 1987, №124, с.186-189; Яценко С.А., 2000, с.90, рис.26). Д.Г.Савинов и С.Г.Кляшторный (1999) предлагают видеть в прототипах пазырыкских подвесок хуннов. Не исключает возможности их отождествления с сюнну и Н.В.Полосьмак (1994, с.85-86). Однако, у такой конкретизации изображений на пазырыкских подвесках есть и противники (Худяков Ю.С., 2000). По-видимому, антропоморфные подвески на пазырыкской узде просто символизировали поверженных противников (аналогично звездам или крестам на фюзеляжах самолетов или танковых орудиях времен Второй Мировой войны). Отметим в связи с этим находку костяной личины (нашивки или подвески?) в воинском кенотафе саглынской культуры Тувы (Грач А.Д., 1980, с.76, рис.69). Большинство пазырыкских личин-подвесок снабжены рогами, и в этом случае они должны были также иметь значение оберега (Полосьмак Н.В., 1994, с.86). Иконографически близкие пазырыкским рогатые и безрогие антропоморфные изображения есть в составе Амударьинского клада (Зеймаль Е.В., 1979, кат.№32, №42). Учитывая, что клад был в древности частью сокровищ храма Окса (Пичилян И.Р., 1991, с.72-83), апотропеическая функция его составляющих не вызывает сомнений. Эхом этой кочевнической традиции, вероятно, можно считать нахождение бляшек-личин в составе костюма одной из погребенных в Тиллятепе (Сарианиди В.И., 1989, с.51; Sarianidi V., 1985, ill.29), тем более, что этот некрополь был оставлен одной из групп, принадлежавших как и пазырыкцы, к юечжам.

Принимая во внимание все особенности находки из Оськино, можно ли предполагать для нее близкое семантическое значение? Думается, что на этот вопрос можно ответить положительно. Определенные черты изображенного на этом изделии головного убора позволяют допускать его воинский статус. Повязка или очелье из металлических пластин, составляющие его основу, судя по данным могильника Каменный Мыс, являлись отличительной чертой мужчины - война (Чиндина Л.А., 1999, с.191). Интересны и зооморфные завершения этого убора. Судя по сводке Л.А. Чиндиной (1999, рис.1), для головных уборов кулайцев более характерны изображения орнитоморфных, фантастических персонажей, чем древовидных. Зооморфные головы на оськинском уборе сильно стилизованы, но можно думать, что они изображают копытное животное. Уже отмечалась идентичность трактовки голов на оськинском уборе и на бляшке из Киндинского II городища. Последнюю Н.В.Березовская считает изделием, выполненным в традициях скифо-сибирской бронзовой пластики с характерной для нее округлостью композиции (1994, с.26). По-видимому, это не совсем так. Эта бляшка выполнена в кулайских традициях и изображает, скорее всего, животное в позе остановки с повернутой назад головой (а не обернувшегося в прыжке горного козла – см: Терехин С.А., 1991). В эпоху раннего железа этот иконографический тип был очень широко распространен на просторах степного пояса Евразии; был известен он и фракийцам (Венедиков И., Герасимов Т., 1973, №152, 267, 312; Будапештские музеи, 1985, №39; Бондарь И.В., 1975, курган Бобрица; Scythian Art, cat.21, 36, 47, 62, 98; Завитухина М.П., 1983, №146; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис.29, 10; Дэвлет М.А., 1976, табл.XIV; Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С., 1987, рис.5, 1). Складывается эта схема в раннескифское время и бытует до рубежа эр. У соседей кулайцев – племен

большереченской культуры в этой манере изображен лось на роговом литейном штампе – I в. до н.э. с поселения Дубровинский Борок – 3 (Троицкая Т.Н., табл. XXIX, 2), причем, технологические особенности этого штампа характерны для скифского искусства (Бородовский А.П., 1997, с.117). Примечательно, что в большинстве случаев в такой позе изображено копытное животное (олень, лось, лошадь, горный козел). Изображения хищников (медведь, пантера (?), львиный грифон) в такой позе единичны (Смирнов К.Ф., 1964, с.226, рис.79, 6; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, рис.1, 9; Базарбаева Г., 2000, с.56, рис.).

Встречаются подобные зооморфные головы и на так называемых древовидных изображениях кулайского литья. Их считают символами плодородия (Косарев М.Ф., 1984, с.201-205; Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991, с.54-61), и присутствие копытного на них вполне объяснимо. Интересна в этом плане бронзовая пластина из Ишимской коллекции (Ермолаев А., 1914, табл.VII, 7). На ней изображены как бы в оппозиции друг к другу две зооморфные головы – аналогичная оськинской и киндинской – и явно хищная, с выделенными клыками и торчащими ушами. Подобные пластины служили украшением наголовников. А поскольку головной убор соотносился с идеей мироздания, то оппозиция хищник – копытное здесь также уместна. Если допустить, что в оськинском уборе изображены головы копытных, верно, то напрашиваются аналогии с воинскими головными уборами саков и пазырыкцев, в декоре которых изображения копытных доминировали. Показательно, что это характерно не только для рядовых воинских захоронений (Кубарев В.Д., 1987, с.100; 1991, с.107; 1992, с.95), но и для элитных (Полосьмак Н.В., 1994, рис. 38; Акишев А.К., 1984, табл. I). Еще одним аргументом в пользу связи оськинского изображения с воинской идеологией, возможно, служат детали оформления его лица, конкретно – изображение рта с отходящими от него в стороны «усиками». Как уже указывалось, единственная аналогия этой детали имеется на колуяновской личине. Но на последней она дана, видимо, в «чистом» виде: глаза и рот колуяновской личины переданы изображениями оскаленной пасти. Судя по некоторым чертам, в них можно видеть изображения волка (Ожередов Ю.И., 1999, с.95) – образа, оставившего в воинской идеологии слишком яркий след (Маразов И., 2000). Воинские изображения эпохи раннего железа, помимо всего прочего, символизировали и идею организации структуры мира (см.: Раевский Д.С., 1983). Образы, запечатленные в кулайской металлопластике, так же олицетворяли трехчленную структуру мира (Балахин Ю.В., 1998, с.118-120). И в этом случае противопоставление верхнего (копытного) и нижнего (хищник) мира на этом изображении выглядит достаточно логичным, а само изображение, сочетающее в себе черты воина и демиурга, так же, как и пазырыкские подвески, могло служить в качестве оберега, а головы копытных на головном уборе оськинского персонажа могли быть семантическим эквивалентом рогов личин пазырыкских). Но оськинское изображение, наверное, могло символизировать также и поверженного противника, и в этом случае все вышеперечисленные его особенности должны были только подчеркивать триумф победителя. И если у всадников головы врагов украшали сбрую коня, то у пешего воина они должны были висеть на поясе – социально и семантически наиболее значимом элементе воинского убора (Боброва А.И., Яковлев Я.А., 1994).

На западносибирском археологическом материале элементы особого отношения к голове в воинских ритуалах начинают проявляться в релкинской культуре эпохи раннего средневековья, которая является прямым продолжателем кулайских традиций. Очень показательна в этом плане знаменитая Васюганская бляха (Зайцева О.В., 1999). Она изображает три антропоморфные фигуры, центральная из которых держит в руках у груди две человеческие головы.

О.В.Зайцева видит в них изображения воинов без доспехов и оружия (1999, с.204). Однако, если это и воины, то не реальные, а ирреальные, мифологические: их акцентированная трехпалость свидетельствует об этом достаточно недвусмысленно (Оятева Е.И., 1998). А чтобы образ «держателя» голов мифологизировался, несомненно требовалось определенное время. И не исключено, что истоки этой мифологизации уходят корнями в кулайское время, а предтечей центрального персонажа Васюганской бляхи является идол Новообинцевского клада, руки которого заканчиваются изображением личин (Бородаев В.Б., 1987, рис.2, 1, с.98-101).

Таковым видится круг проблем, поставленных случайной находкой оригинального кулайского изделия из Оськино. Мы полностью отдаем себе отчет в гипотетичности всего изложенного, однако, думается, что данные о социальной структуре и организации кулайского общества, о восприимчивости кулайцев к влиянию соседних культур не делают эти предположения абсолютно нереальными.

Литература

1. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984. – 176 с.
2. Античная скульптура. – М., 1987. – 231 с.
3. Артамонов М.И. Сокровища саков. – М., 1973. – 279 с.
4. Базарбаева Г. К изучению культуры древних кочевников Алтая // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. – 2000. – №1. – С.53-59.
5. Балахин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. – Новосибирск, 1998. – 287 с.

6. Березовская Н.В. Киндинское городище II // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – Томск, 1994. – Т.7. – С.19-27.
7. Боброва А.И., Яковлев Я.А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – Вып.2. – С.61-90.
8. Бондарь И.В. Древнее золото. – М., 1975.
9. Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск, 1987. – С.96-114.
10. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск, 1997. – 223 с.
11. Будапештские музеи. – Будапешт, 1985. – 83 с.
12. Венедиков И., Герасимов Т. Тракийское искусство. – София, 1973. – 407 с.
13. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – 156 с.
14. Дураков И.А. К вопросу о технологии производства полого литья кулайской культуры // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск, 1995. – С.107-112.
15. Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. – М., 1976. – 120 с.
16. Ермолаев А. Ишимская коллекция / Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. – Красноярск, 1914. – Вып.1. – 19 с.
17. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. – Л., 1983. – 191 с.
18. Зайцева О.В. Об особом отношении к человеческой голове в воинских ритуалах на примере Васюганской бляхи // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 1999. – Т.1. – С.204-206.
19. Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. – Л., 1979. – 95 с.
20. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. – Екатеринбург, 1994. – 158 с.
21. Ильинская В.А. Золотая пластина с изображениями скифов из коллекции Романовича // СА, 1978. – №3. – С.90-100.
22. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи. – М., 1997. – 187 с.
23. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1999. – С.169-177.
24. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М., 1974. – 167 с.
25. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М., 1984. – 245 с.
26. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987. – 301 с.
27. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991. – 189 с.
28. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск, 1992. – 219 с.
29. Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таежной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические открытия в Сибири. – Новосибирск, 1996. – С.157-160.
30. Маразов И. «Хищник, свернувшийся кольцом»: изобразительная этимология сюжета // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 2000. – Т.2. – С.150-172.
31. Мец Ф.И. Новые изображения на кулайской керамике и их отношение к культовому литью // Тезисы областной научно-практической конференции «Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа». – Омск, 1990. – С.43-49.
32. Мец Ф.И., Плетнева Л.М., Рудковский И.В. Жилище эпохи раннего железа Мурашкинского поселения IV // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут, 2001. – С.89-95.
33. Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск, 1980 – 208 с.
34. Николаев Р.В. Археологические находки из Туруханского района как источник по этногенетическим процессам на севере Сибири // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1980. – С.20-26.
35. Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобья глазами археологов и этнографов. – Томск, 1999. – С.77-119.
36. Окладников А.П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. – 1948. – Т.Х. – С.203-225.
37. Оятева Е.И. Язык искусства (по материалам художественной металлической пластики Прикамья I – начала II тыс. н.э.) // АСГЭ. – 1998. – Вып.33. – С.133-147.
38. Пичикян И.Р. Культура Бактрии. – М., 1991. – 343 с.
39. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII-III вв. до н.э. – Томск, 1977. – 141 с.
40. Плетнева Л.М. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск, 1978. – С.51-58.
41. Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы». – Новосибирск, 1994. – 124 с.
42. Полосьмак Н.В., Шумаков Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск, 1991. – 91 с.
43. Привалихин В.И. В поисках научной истины // Век подвижничества. – Красноярск, 1989. – С.189-198.

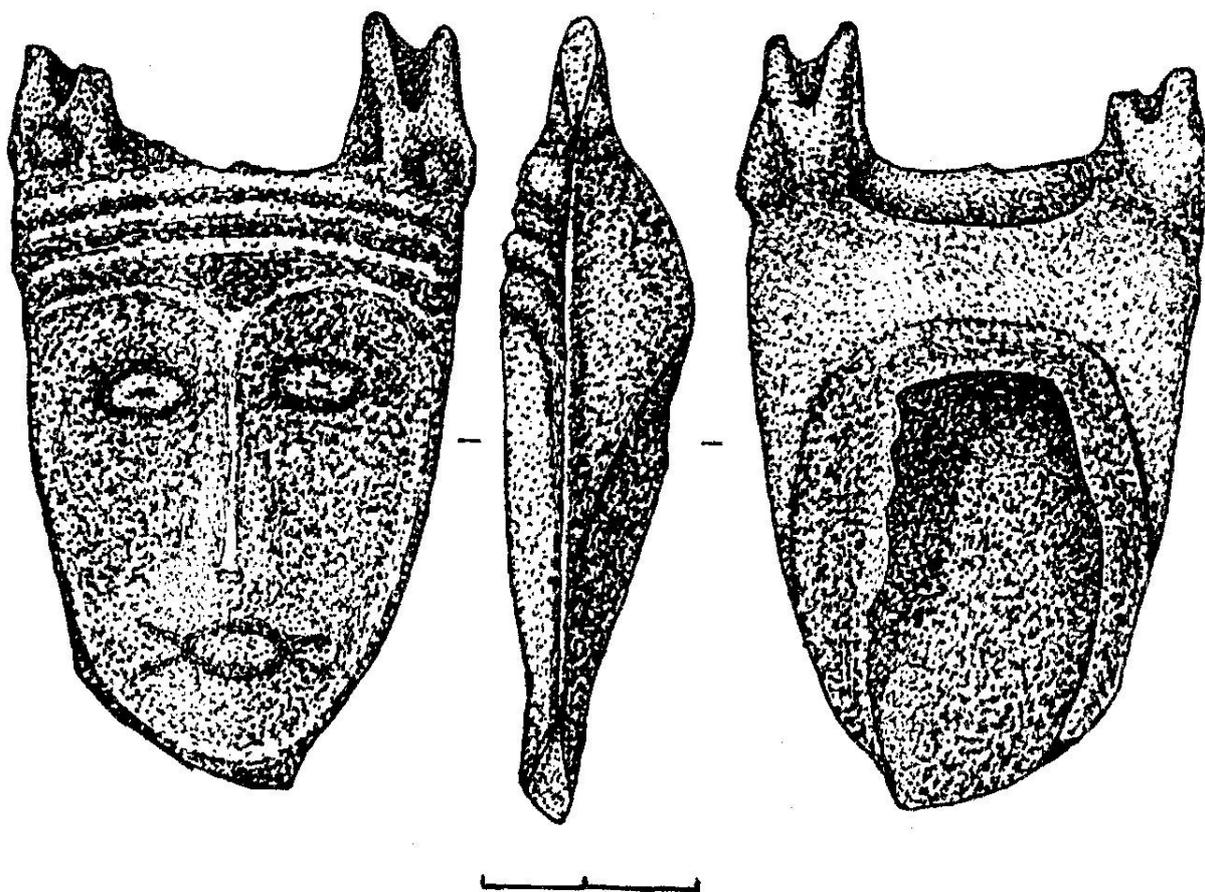

Рис.1

44. Привалихин В.И. О наличии головного убора с рожками и ушками у таежного населения Северного Приангарья в раннем железном веке // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – Т.И. – С.72-76.
45. Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – М., 1983. – С.40-60.
46. Росляков С.Г. Укрепленные поселения кулайской культуры в Новосибирском Приобье (проблемы фортификации) // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск, 1995. – С.71-83.
47. Сарияниди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. – М., 1989. – 240 с.
48. Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). – М., 1964. – 379 с.
49. Старцева Л.М. Поселение Самусь II // Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1966. – Вып.2. – С.208-211.
50. Терехин С.А. О технологии и времени изготовления ажурного кулайского литья // Проблемы археологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С.142-143.
51. Терехин С.А. Цветная металлообработка на васюганском этапе кулайской культуры. – Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 18 с.
52. Техов Б.В. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. // СА. – 1963. – №1. – С.162-178.
53. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1979. – 124 с.
54. Троицкая Т.Н. Характер взаимосвязи кулайской культуры с культурами большереченской общности // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 2000. – С.120-121.
55. Трухин Г.В. Краткий сводный дневник раскопок городища Басандайка за 1944-46 гг. // Басандайка. – Томск, 1948. – С.51-63.
56. Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово – III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С.219-226.

57. Худяков Ю.С. Скульптурное изображение поверженного хунна на могиле Хо Цюйбина // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2000. – № 5. – С.62-66.
58. Черкасова Н. Средневековые тонгхи Западной Сибири // Тезисы докладов студенческой научной конференции «Духовная культура Урала». – Свердловск, 1987. – С.22 – 25.
59. Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. – 1953. – № 35. – С.221-241.
60. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск, 1984. – 255 с.
61. Чиндина Л.А. О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск, 1996. – С.86-116.
62. Чиндина Л.А. Головные уборы в художественном металле кулайского времени // Международная конференция по первобытному искусству. – Кемерово, 1999. – Т.1. - С.188-194.
63. Чиндина Л.А., Терехин С.А. О кулайском комплексе на Усть-Киндинском курганном могильнике // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск, 1992. – С.61-65.
64. Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово, 1987. – С.70-78.
65. Яковлев Я.А. Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. – Томск, 1991. – С.115 – 142.
66. Яковлев Я.А. К проблеме формирования кулайского художественного стиля // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск, 1993. – С.126-130.
67. Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск, 1996. – С.178 – 197.
68. Яковлев Я.А. Новые находки скифо-сибирской металлопластики в Нарымском Приобье // История и культура Томской области. – Томск, 1998. – С.39-48.
69. Яковлев Я.А. Сокровища Томской земли // Художественный календарь 1998 г. – Словацкая республика. – 1998а.
70. Яковлев Я.А., Терехин С.А. Новые материалы по антропо- и зооморфной графике на раннежелезной керамике Томско-Нарымского Приобья // Проблемы этнической истории самодийских народов. – Омск, 1993. – Часть первая. – С.67-73.
71. Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. – 2000. – №4. – С.86-104.
72. Sarianidi V. Bactrian Gold. – Leningrad, 1985. – 259 p.
73. Scythian Art. - Leningrad, 1986. – 183 p.

Подпись к рисунку статьи Меца Ф.И.

Рис.1 Случайная находка из Томского Приобья